

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 1. С. 133–172.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 1 (2026): 133–72.

Научная статья

УДК 94(47).084.8-9

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-4>

<https://elibrary.ru/mweiqs>

Отдельные рабочие батальоны военнопленных в системе Народного комиссариата обороны – Министерства вооруженных сил СССР (1945–1949 гг.)

Александр Леонидович Кузьминых

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний,

Вологда, Россия,

istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Aleksandr L. Kuz'minykh

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Vologda, Russia,

istorial@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Аннотация. В статье на основе комплекса источников проанализированы организационно-правовые основы и практика формирования и функционирования отдельных рабочих батальонов военнопленных в структуре Народного комиссариата обороны – Министерства вооруженных сил СССР. Особое внимание уделено изучению и систематизации сведений о численности и составе военнопленных, организации их размещения, режима и охраны, материального обеспечения, медико-санитарного обслуживания, смертности, трудового использования, политической работы. Автор приходит к выводу о том, что в ситуации крайнего истощения демографических и материальных ресурсов в военные и послевоенные годы Советское государство было вынуждено использовать военнопленных в качестве рабочей силы на объектах военного и оборонного значения. В основном иностранная рабочая сила задействовалась на строительных, ремонтно-восстановительных и хозяйственных работах. Организацию быта военнопленных затрудняла нехватка жилых помещений, продуктов питания, одежды и обуви, медикаментов. Изучение источников позволяет сделать вывод о низкой эффективности контроля со стороны органов НКВД-МВД за содержанием военнопленных в структуре военного ведомства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, иностранные военнопленные, отдельные рабочие батальоны, Народный комиссариат обороны, Министерство вооруженных сил СССР

© Кузьминых А.Л., 2026

© Kuz'minykh A., 2026

Для цитирования: Кузьминых А.Л. Отдельные рабочие батальоны военнопленных в системе Народного комиссариата обороны – Министерства вооруженных сил СССР (1945–1949 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 1. С. 133–172, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-4>; EDN: MWEIQS

Separate Labor Battalions of Prisoners of War in the System of People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces of the USSR (1945–1949)

Abstract. Based on the analysis of a complex of sources, the article examines the organizational and legal foundations as well as practices of formation and functioning of separate labor battalions of prisoners of war in the structure of the People's Commissariat of Defense – the Ministry of Armed Forces of the USSR. Special attention is paid to the analysis of the number and composition of prisoners of war in such battalions, organization of their accommodation, regime and protection, material support, medical and sanitary services, mortality rates, labor use, and political and propaganda work. The author concludes that in the situation of extreme depletion of demographic and material resources in the war and post-war years, the Soviet state was forced to use prisoners of war as labor force at military and defense facilities. Foreign labor was mostly used in construction, renovation, and household work. The established life organization of prisoners of war was poor due to the lack of housing, food, clothing and footwear, and medicines. The study of available sources allows us to conclude that the efficiency of control by the NKVD-MVD over the detention of prisoners of war in the structure of the military department was rather low.

Keywords: Great Patriotic War, foreign prisoners of war, separate labor battalions, People's Commissariat of Defense, Ministry of the Armed Forces of the USSR

For citation: Kuz'minykh, A.L. "Separate Labor Battalions of Prisoners of War in the System of People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces of the USSR (1945–1949)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 1 (2026): 133–72, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-4>; EDN: MWEIQS

Введение

В период Великой Отечественной войны, согласно документам Генерального штаба РККА, советскими войсками было пленено 4 млн 377 тыс. военнослужащих германской армии и ее союзников. После разгрома и капитуляции в августе 1945 г. Квантунской армии количество военнопленных выросло на 639 тыс. чел.¹ Для приема и содержания обезоруженных вражеских военнослужащих на территории Советского Союза и в освобожденных советскими войсками странах была развернута система органов и учреждений военного плена и интернирования, которая включала 24 фронтовых лагеря, 72 приемно-пересыльных пункта, свыше 500 стационарных лагерей и специальных объектов, 214 спецгоспиталей, 322 лагеря органов репатриации².

¹ Военнопленные в СССР: документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. С. 12.

² Военнопленные в СССР. С. 12.

Большинство иностранных военнопленных находились в ведении Народного комиссариата внутренних дел СССР (с марта 1946 г. – Министерства внутренних дел СССР), в структуре которого было образовано Управление по делам военнопленных и интернированных (с января 1945 г. – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР). В отечественной и зарубежной историографии подробно описаны организационная структура и деятельность УПВИ-ГУПВИ, жизнеобеспечение и трудовое использование военнопленных в лагерях НКВД-МВД³. Вместе с

³ Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002; Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!»: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27. Москва: Московский издательский дом, 2003; Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). Москва: Грааль, 1997; Джустини М.Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954 / перевод с итальянского М. Талалая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010; Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2007; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: РГГУ, 2002; Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. Москва: Институт востоковедения РАН, 2005; Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955 гг.): очерки и документы. Вологда: Полиграфист, 2002; Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена: статьи 1993–2000. Москва: Рейттарь, 2001; Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: ИГУ, 1997; Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017; Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда: Древности Севера, 2016; Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. Москва: Прогресс, 1994; Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). Москва: Кучково поле, Императорское русское историческое общество, 2016; Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2000; Потильчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ: Видавництво Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова, 2004; Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001; Суржикова Н.В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006; Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Санкт-Петербург: Алетейя; Хельсинки: RME Group Oy, 2009; Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД-МВД СССР (1939–1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010; Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные на

тем, гораздо более фрагментарно изучена практика содержания военнопленных в структуре иных ведомств, в том числе в вооруженных силах СССР.

Предметом научного анализа данной статьи являются правовой статус и деятельность отдельных рабочих батальонов (ОРБ) военнопленных в системе Народного комиссариата обороны – Министерства вооруженных сил СССР в 1945–1949 гг., а также положение содержавшегося в них контингента. Формированию и функционированию данных учреждений посвящен ряд научных публикаций, подготовленных в основном на региональных материалах. В качестве примера можно привести статьи С.П. Кима⁴, Д.В. Перевощикова⁵, Н.Б. Смирновой⁶. Перечисленные работы описывают либо историю конкретных ОРБ, либо частные аспекты их деятельности, например, организацию политической работы с японскими военнопленными, т.е. не претендуют на комплексное изучение вопроса.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ОРБ как специфического института военного плена, созданного в структуре военно-оборонного ведомства СССР. При изучении данной проблемы автор использовал проблемно-хронологический, структурно-функциональный, типологический и сравнительный методы исторического исследования. Источниковая база статьи представлена делопроизводственной документацией Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД

Украине 1939–1953 гг.). Киев: Парламентское издательство, 2005; Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1951 гг. Минск: Тесей, 2003; Blank A.S. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein, 1979; Dähler R. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten. Wien, Berlin: LIT, 2007; Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee “Freies Deutschland”. Mainz: v. Hase&Koehler Verlag, 1981; Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verlag, 2000; Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München: C.H. Beck, 1986; Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten / Herausgegeben von E. Scherstjanoi. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010.

⁴ Ким С.П. Политическая работа в лагерях МВД и отдельных рабочих батальонах МВД для японских военнопленных (1945–1956 гг.) // Клио. 2015. № 4 (100). С. 164–168. EDN: TOPQWD.

⁵ Перевощиков Д.В. Из истории отдельных рабочих батальонов военнопленных в Удмуртии в 1945–1948 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 26. С. 101–108. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.101>

⁶ Смирнова Н.Б. Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) // Научные исследования: от теории к практике: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 10 июля 2016 г.) / под редакцией О.Н. Широкова и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. Вып. 3 (9). С. 31–32.

СССР, а также Народного комиссариата обороны – Министерства вооруженных сил СССР, отвечавших за содержание и трудовое использование военнопленных в отдельных рабочих батальонах. Наибольший интерес представляют приказы и директивы НКВД-МВД и НКО-МВС по вопросам содержания военнопленных, докладные записки и обзоры ГУПВИ с информацией о выявленных в ходе проверок отдельных рабочих батальонов недостатках, справки о дислокации ОРБ, численности и составе содержащегося в них контингента. Помимо опубликованных архивных материалов⁷ автор использовал документы Российского государственного военного архива и архива Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области.

Основная часть

Трудовое использование военнопленных в системе Наркомата обороны СССР начинается в 1943 г., после капитуляции группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. В этот период специальных подразделений для содержания военнопленных в структуре НКО еще не существовало. Как правило, военнопленные выделялись Наркоматом внутренних дел СССР на общих основаниях по заявкам предприятий и организаций ведомств, нуждавшихся в рабочей силе. Так, в справке о военнопленных, используемых на работах в промышленности от 4 февраля 1943 г., упоминается о работе 786 военнопленных в военлесхозе НКО в Марийской АССР⁸. К марту 1943 г. на данном объекте трудились уже 1 398 обезоруженных неприятельских военнослужащих⁹. На 19 июня 1944 г. на предприятиях и строительствах НКО работали 2 149 военнопленных, на 5 декабря 1944 г. – 14 040 чел. На 17 мая 1945 г. в ведении НКО числились 33 тыс. военнопленных и 550 мобилизованных немцев. Из них 22 600 чел. использовались на работах 1-го, 2-го и 3-го Белорусского и 2-го и 3-го Украинского фронтов; 6 000 чел. – на строительстве Ново-Тверецкого канала;

⁷ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы / под редакцией М.М. Загоруйко и др. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004; Русский архив: Великая Отечественная / под редакцией В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1). Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Нормативные документы. Москва: ТЕРРА, 1996; Русский архив: Великая Отечественная / под редакцией В.А. Золотарева. Т. 24 (13–2). Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. Кн. 1. Москва: ТЕРРА, 1999; Русский архив: Великая Отечественная / под редакцией В.А. Золотарева. Т. 24 (13–3). Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1955 гг. Кн. 2. Москва: ТЕРРА, 2002.

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 165.

⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 167.

2 500 чел. – на бронетанковом заводе № 8 в Киеве; 1 900 чел. – на прочих работах в Асбесте, Бежице, Бобруйске, Киеве, Куйбышеве, Минске¹⁰.

В условиях массового поступления военнопленных в СССР после капитуляции нацистской Германии в мае–июне 1945 г., по решению советского правительства они передавались различным государственным ведомствам в качестве рабочей силы. На основании постановлений Государственного комитета обороны и приказов НКВД Наркомату обороны СССР было выделено 310 тыс. военнопленных, захваченных на советско-германском фронте¹¹. Их предполагалось задействовать на строительных, восстановительных и ремонтных работах, а также на лесозаготовках и производстве стройматериалов (в карьерах, каменоломнях и т.д.).

Для содержания и трудоустройства военнопленных в структуре НКО создавались отдельные рабочие батальоны (ОРБ). Данная практика соответствовала введенной приказом НКВД № 00311 от 16 апреля 1945 г. военизированной системе организации труда и быта военнопленных. Последние делились на отделения (12–15 чел.), взводы (36–40 чел.), роты (150–160 чел.) и батальоны (600–700 чел.), которые формировались по национальному признаку¹².

В отличие от системы НКВД-МВД, где основным типом учреждений для содержания военнопленных являлись лагеря, имевшие в своей структуре лагерные отделения, рассчитанные на содержание многотысячного контингента, отдельные рабочие батальоны (ОРБ) НКО-МВС представляли собой компактные формирования численностью от 500 до 1 000 чел. Если лагеря военнопленных обслуживали промышленные предприятия и строительные объекты общесоюзного и регионального значения, то ОРБ выполняли строительные и хозяйственные задачи в структуре военно-оборонного ведомства.

В каждом ОРБ имелось три роты, в роте – три взвода, во взводе – четыре отделения. Штат личного состава батальона состоял из 59 чел. (15 офицеров, 10 сержантов и 34 рядовых). Руководство батальоном осуществляли командир, его заместитель и помощник по материально-техническому обеспечению. В структуру ОРБ входили строевая часть (4 чел.); медпункт на 10 коек, обслуживаемый персоналом из 3 чел.: начмедом (начальником лазарета),

¹⁰ Попов А.Б. Пленные большой войны. С. 232–233.

¹¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 240.

¹² Приказ НКВД СССР № 00311 о формировании отделений, взводов, рот и батальонов из числа военнопленных, содержащихся в лагерях МВД от 16 апреля 1945 г. // Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 17–20, 192–195; Военнопленные в СССР. С. 598–602; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). С. 178–181.

врачом и старшим фельдшером; взвод охраны (32 чел.) в составе командира и его помощника, 4 командиров отделений, повара и 25 рядовых; парторг (он же инструктор по работе среди военнопленных); хозвзвод из 10 военнопленных. Личный состав батальона, за исключением оперуполномоченного и оперативного переводчика, являвшихся сотрудниками НКВД, содержался за счет НКО СССР¹³.

В июле 1945 г. начальник тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев утвердил «Положение о формировании и порядке трудового использования рабочих батальонов военнопленных». Формирование последних и присвоение им порядковых номеров производилось военными советами округов (фронтов). Распределение батальонов между центральными управлениями НКО, военными округами и хозяйственными организациями осуществлялось приказом начальника тыла Красной армии. Рабочие батальоны содержались за счет госбюджета и финансировались по соответствующим статьям сметы НКО за исключением расходов на выплату денежного вознаграждения военнопленным, которое производилось за счет заработанных ими средств. Остаток денежных средств подлежал сдаче в доход союзного бюджета¹⁴.

Батальоны подчинялись либо начальникам управлений НКО, либо квартирно-эксплуатационному отделу интендантского управления военного округа (фронта), для которого они выполняли работы. В производственном отношении командирами батальонов руководили начальники участков (предприятий). Порядок трудового использования военнопленных строго регламентировался. Продолжительность рабочего дня на производстве составляла десять часов. Военнопленным предоставлялся один выходной день в неделю. Для уменьшения простоев из-за сложных погодных условий и других внешних обстоятельств разрешалась работа в выходные дни с обязательным предоставлением дня отдыха до следующего выходного дня. Командиры батальонов обязывались обеспечить выход на производство не менее 90 % списочного состава батальона и контроль за производственной дисциплиной.

Каждый военнопленный должен был трудиться на основании установленных норм выработки для конкретного вида работ. Учет выполненных работ производился командирами батальонов через командиров рот и

¹³ Историческая справка о деятельности УПВИ–ГУПВИ МВД СССР и его периферийных органов за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 62; Попов А.Б. Пленные большой войны. С. 232–233.

¹⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 227.

нормировщиков. На командира батальона также возлагался контроль за правильным начислением заработанных военнопленными средств¹⁵.

Бывшие неприятельские военнослужащие в соответствии с их физическим состоянием делились на три категории: первая – годные к тяжелому физическому труду, вторая – годные к физическому труду, третья – годные к легкому труду. Разбивка военнопленных по категориям годности к труду производилась приказом командира батальона после медицинского освидетельствования спецконтингента санитарной службой батальона. Разрешалось привлекать военнопленных второй категории к тяжелому физическому труду, а военнопленных третьей категории к физическому труду с выполнением установленных норм выработки соответственно в размере 70 и 50 % нормы. Доплат за сверхурочные работы и труд в ночное время не предусматривалось¹⁶.

Для стимулирования военнопленных к выполнению норм выработки применялись следующие меры: выдача продпайка и денежного вознаграждения по дифференцированной шкале в соответствии с процентом выполнения и перевыполнения трудового задания; первоочередная выдача хорошо работавшим пленным одежды, обуви, постельных принадлежностей, а также предоставление им улучшенных условий размещения. К примеру, лицам, занятым на тяжелых физических работах, при выполнении производственного задания менее 50 % выдавалось 650 г хлеба, на 50–80 % – 700 г, на 80–100 % – 750 г, свыше 100 % – 800 граммов. Кроме того, пленные, выполнявшие и перевыполнявшие нормы, дополнительно к основному пайку ежедневно получали 50 г крупы, 25 г мяса, 25 г рыбы, 10 г жиров.

Что касается денежного вознаграждения, то лицам, занятым на нормируемых работах, при выработке в месяц 40–50 % установленной нормы выплачивалось 10 руб. в месяц, 51–80 % – 15 руб., 91–90 % – 30 руб., 91–100 % – 50 руб., 101–110 % – 80 руб., 111–120 % – 120 руб., 121–130 % – 150 руб., свыше 130 % – 200 руб. Административно-хозяйственный и технический персонал из военнопленных также получал денежное вознаграждение в зависимости от процента выполнения и перевыполнения трудовых заданий руководимыми им подразделениями. Заработанные военнопленными денежные суммы им на руки не выдавались, а зачислялись на персональные лицевые счета¹⁷.

Для принуждения плохо работавших военнопленных разрешалось оставлять лиц, не выполнивших трудовое задание, на сверхурочную работу на два часа, а

¹⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 227.

¹⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 228–229.

¹⁷ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 229–231.

также переводить симулянтов и саботажников в штрафные подразделения с особо тяжелым режимом работы на срок до трех месяцев, лишать их денежного вознаграждения и дополнительных видов питания. Лиц, злостно уклонявшихся от работы и дезорганизаторов производства, надлежало предавать суду военного трибунала¹⁸.

На 5 октября 1945 г. в распоряжении Наркомата обороны находилось 190 439 военнопленных бывшей германской армии, из которых 38 649 чел. использовались в тыловых военных округах, 3 000 чел. – на строительстве Ново-Тверецкого канала, 40 115 чел. – на строительстве хранилищ на перевалочных армейских базах, 33 002 чел. – на погрузочно-разгрузочных работах, 75 668 чел. обслуживали Северную и Центральную группы войск, а также подразделения бывшего 3-го Белорусского фронта¹⁹.

Дислокация отдельных рабочих батальонов НКО СССР на 1 октября 1945 г. отражена в табл. 1.

Таблица 1

**Дислокация отдельных рабочих батальонов военнопленных
Наркомата обороны СССР на 1 октября 1945 г.²⁰**

№ п/п	Регион	Количество ОРБ	Численность военнопленных
1.	Украинская ССР	32	32 204
2.	Литовская ССР	15	11 477
3.	Белорусская ССР	11	9 030
4.	Эстонская ССР	1	2 747
5.	Северо-Осетинская АССР	1	247
6.	Удмуртская АССР	2	679
7.	Московская обл.	14	10 052
8.	Горьковская обл.	3	642
9.	Калужская обл.	1	300
10.	Калининская обл.	3	1 472
11.	Смоленская обл.	3	1 287
12.	Пензенская обл.	1	904
13.	Саратовская обл.	1	803
14.	Свердловская обл.	2	1 000
15.	Брянская обл.	1	523
16.	Курская обл.	1	480
17.	Ленинградская обл.	5	5 224
18.	Псковская обл.	1	720
19.	Куйбышевская обл.	1	1 019
	Итого:	99	80 810

¹⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 229.

¹⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 240.

²⁰ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 611.

Анализ данных показывает, что наибольшее количество ОРБ дислоцировалось на территории Украинской, Литовской и Белорусской ССР, а также Московской и Ленинградская областей.

Решением советского правительства на Наркомат обороны СССР возлагалась ответственность за содержание, охрану, трудовое использование, обеспечение продовольствием и обмундированием военнопленных в ОРБ. В свою очередь, ГУПВИ и его периферийные органы осуществляли контроль за содержанием и трудовым использованием военнопленных, а также их оперативное обслуживание. Эти функции ГУПВИ реализовывало через территориальные НКВД-УНКВД, в структуре которых имелись подразделения (управления, отделы, отделения, группы и уполномоченные) по военнопленным и интернированным²¹.

На основании директивы заместителя народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковника В.В. Чернышова № 161 от 17 сентября 1945 г. ГУПВИ НКВД СССР через свои периферийные органы провело проверку условий содержания военнопленных в ОРБ. Особое внимание обращалось на правильную организацию учета, размещения, режима и охраны, питания, обеспечения обмундированием, трудового использования, медицинского обслуживания, а также на подготовку жилого фонда к зиме. На контроль бралась информация о чрезвычайных происшествиях: побегах военнопленных, случаях применения оружия личным составом, самоубийствах и членовредительстве, массовых беспорядках (бунтах, случаях неподчинения командованию батальонов и т.п.)²².

В ходе проверки ОРБ были выявлены серьезные нарушения установленных правил содержания военнопленных: жилые помещения находились в плохом состоянии, бани и дезинфекционные камеры в большинстве батальонов отсутствовали, лазаретов не имелось, установленная продолжительность рабочего дня нарушалась. О выявленных недочетах был проинформирован начальник тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев. 29 ноября 1945 г. в шифрограмме № 7358 последний приказал командующим военными округами ликвидировать недочеты по содержанию, охране и трудовому использованию военнопленных в ОРБ. В частности, предписывалось создать специальные оперативные группы по руководству работой ОРБ при штабах тыла военных округов, оборудовать в каждом ОРБ лазареты, бани и дезокамеры, организовать

²¹ Историческая справка о деятельности УПВИ–ГУПВИ МВД СССР и его периферийных органов за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 64.

²² Директива НКВД СССР № 161 об упорядочении учета и контроля за содержанием военнопленных в батальонах НКО от 17 сентября 1945 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 44 об.–46; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). С. 241–243.

медпомощь и установить для военнопленных продолжительность рабочего дня не более восьми часов, обеспечить их необходимым обмундированием, а лиц, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, – дополнительным питанием²³.

На 1 января 1946 г. после переброски военнопленных из частей фронтов на строительные объекты и хозяйственные работы в военных округах НКО насчитывалось 146 отдельных рабочих батальонов, в которых содержался 142 571 военнопленный западных национальностей. Кроме того, в восточных краях и областях СССР было сформировано 54 ОРБ из числа 67 809 японских военнопленных. Таким образом, на 1 января 1946 г. в ведении НКО находилось 200 ОРБ с 210 380 военнопленными²⁴.

К сожалению, в выявленных архивных документах отсутствуют подробные сведения о составе контингента в ОРБ. Примерное представление о нем можно получить из справки начальника 2-го отдела ГУПВИ НКВД СССР майора Макова о ходе взятия на учет военнопленных, содержащихся в рабочих батальонах НКО СССР от 16 февраля 1946 г. В ней указывается, что на 1 февраля 1946 г. было взято на учет 80 ОРБ с 72 364 военнопленными, среди которых насчитывалось 2 202 офицера, 17 227 чел. младшего начальствующего состава, 52 935 чел. рядового состава. Национальный состав контингента выглядел следующим образом: 53 081 немец, 1 419 венгров, 1 139 австрийцев, 684 чеха, 287 поляков, 200 румын, 169 югославов (хорватов, словенцев, сербов), 70 французов, 61 эстонец, 28 словаков, 24 еврея, 21 закарпатский украинец, 19 бельгийцев, 16 итальянцев, 14 литовцев, 8 латышей, 6 датчан, 6 голландцев, 6 швейцарцев, 4 люксембуржца, 1 англичанин, 1 американец, 14 граждан СССР, 15 086 лиц с неустановленной национальностью²⁵. Таким образом, состав контингента в ОРБ включал представителей свыше 25 национальностей, при этом на немцев приходилось три четверти общей численности пленных. Директива НКВД № 161 от 17 сентября 1945 г. предписывала оставить в рабочих батальонах исключительно лиц немецкой национальности, а представителей других национальностей предлагалось перевести в лагеря военнопленных НКВД для дальнейшего содержания или репатриации²⁶.

Судя по материалам проверок со стороны НКВД-МВД положение военнопленных в ОРБ НКО-МВС продолжало оставаться неудовлетворительным. Об этом свидетельствуют директива НКВД № 207 от 17 ноября 1945 г. и директива МВД № 134 от 25 мая 1946 г. о мероприятиях по

²³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 612.

²⁴ Историческая справка о деятельности УПВИ–ГУПВИ МВД СССР // РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 64.

²⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 612.

²⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). С. 241–243.

устранению недостатков в состоянии рабочих батальонов НКО-МВС²⁷. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что вследствие иной ведомственной принадлежности рабочих батальонов нередко спецгоспитали НКВД-МВД отказывались принимать их контингент на лечение. Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковнику В.В. Чернышову пришлось выпустить специальную директиву, которая разъясняла, что больные военнопленные из ОРБ должны приниматься на лечение в спецгоспитали наравне с военнопленными из лагерей НКВД²⁸. О том, что это требование не соблюдалось, свидетельствует письмо наркома внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Круглова начальнику тыла Красной армии А.В. Хрулеву с просьбой обратить особое внимание на организацию специальной госпитальной сети для разгрузки ОРБ от больных военнопленных, нуждавшихся в специальном лечении, поскольку использование госпитальной сети лагерей НКВД не представлялось возможным из-за отсутствия свободных мест²⁹.

В 1946–1947 гг. ГУПВИ направило на имя начальника тыла Министерства вооруженных сил СССР А.В. Хрулева свыше 150 докладных записок, служебных писем и обзоров с просьбами и требованиями об устранении выявленных в деятельности ОРБ недостатков³⁰. Изучение этих документов наглядно показывает наличие грубейших нарушений, приводивших к массовой заболеваемости и смертности военнопленных. Так, в ОРБ № 456 (Брянская обл.) пленные размещались в сырых и покрытых плесенью землянках, спали на подстилках из гнилого камыша, баня и прачечная отсутствовали, следствием чего была поголовная завшивленность. В результате в первом квартале 1946 г. в указанном ОРБ умерли 46 чел. В ОРБ № 393 (Львовская обл.) в декабре 1945 г. из-за неудовлетворительных санитарно-гигиенических условий и массовой заболеваемости скончались 137 военнопленных. В ОРБ № 486 (Новгородская обл.) военнопленные в зимних условиях проживали в летних палатках, температура в которых составляла от -5°C до $+2^{\circ}\text{C}$. 632 чел. из 1 100 военнопленных из одежды имели только летние френчи, пилотки и ветхую летнюю обувь, в результате чего за два месяца в батальоне умерло 180 чел.³¹

²⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). С. 266, 325–326.

²⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). С. 288–289.

²⁹ Военнопленные в СССР. С. 236.

³⁰ Историческая справка о деятельности УПВИ–ГУПВИ МВД СССР // РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 64; Попов А.Б. Пленные большой войны. С. 238; Военнопленные в СССР. С. 236–240; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 631–636.

³¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 631–636.

В свою очередь, несоблюдение требований в области режима и охраны (отсутствие ограждений лагерных зон, наблюдательных вышек и т.п.) приводило к массовым побегам военнопленных. Так, в ОРБ № 466 (Дрогобычская обл.) 4 декабря 1945 г. во время работы на лесозаготовках бежали 14 военнопленных, из которых были задержаны только 5³².

Что касается производственной деятельности рабочих батальонов, то, как правило, контингент использовался на неквалифицированных и малооплачиваемых работах, нередко без учета выполнения норм выработки, т.е. крайне неэффективно³³. Спектр выполняемых пленными работ был довольно разнообразным: они строили объекты оборонного ведомства, узкоколейные железные дороги, трудились на лесозаготовках, погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов, в подсобных хозяйствах и т.п.³⁴

Штаб тыла Министерства вооруженных сил СССР, систематически получая от ГУПВИ письма с просьбами об устранении недочетов в работе ОРБ, в свою очередь, требовал от командующих военными округами оперативной реакции на замечания со стороны контролирующих органов. В частности, начальник тыла МВС СССР директивой № 362 от 25 января 1946 г. предлагал заместителям командующих военными округами по материально-техническому обеспечению провести обследование всех ОРБ и создать необходимые условия для содержания военнопленных. Директива № 76/III от 20 февраля 1946 г. устанавливала порядок развертывания лазаретов в ОРБ и обеспечения их медикаментами, директива № 43549 от 17 апреля 1946 г. – порядок охраны военнопленных в зонах ОРБ и на объектах работ. Наконец, директива № 43766 от 7 мая 1945 г. в целях сохранения физического состояния военнопленных требовала создать в ОРБ оздоровительные команды, улучшить питание, медицинское обслуживание, организовать представление ежемесячной отчетности о физическом состоянии, заболеваемости и смертности среди военнопленных³⁵.

Однако, несмотря на обширную бюрократическую переписку, опыт работы показывал, что осуществляемый ГУПВИ контроль за содержанием, охраной и трудоиспользованием военнопленных в ОРБ НКО-МВС являлся малодейственным. Командование ОРБ, не чувствуя ответственности за физическое состояние военнопленных, нарушало установленные правила их размещения, учета, снабжения и привлечения к труду.

³² Военнопленные в СССР. С. 239.

³³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 631–636.

³⁴ *Перевощиков Д.В.* Из истории отдельных рабочих батальонов военнопленных в Удмуртии в 1945–1948 гг. С. 101–108.

³⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 613.

В июне 1946 г. в результате очередной проверки были выявлены нарушения приказов и директив МВД и МВС в сорока ОРБ. В этих батальонах рабочий день военнопленных длился 10–14 часов, ослабленные лица использовались на тяжелых работах и выводились на удаленные производственные объекты пешим порядком, перерывы между принятием пищи доходили до 12 часов, надежная охрана контингента на объектах работ отсутствовала. Из-за неправильных организации труда и распределения рабочей силы указанные ОРБ являлись нерентабельными, военнопленные зарабатывали крайне мало (3–4 руб. в день). В результате физическое состояние военнопленных в ОРБ было намного хуже, чем военнопленных в лагерях МВД. По данным ГУПВИ, в ОРБ трудовой фонд не превышал 23–32 %, смертность среди военнопленных была выше, чем в лагерях МВД в пять раз (сравнительный анализ уровня смертности военнопленных в лагерях МВД и ОРБ МВС см. ниже), число побегов – в семь раз³⁶.

Все это вынуждало ГУПВИ неоднократно ставить вопрос перед вышестоящими инстанциями о передаче военнопленных из ОРБ в лагеря МВД и выделении рабочей силы органам тыла МВС на общих с другими министерствами основаниях. Однако в результате категорического возражения против этих мероприятий начальника тыла МВС данный вопрос не был разрешен.

Важным направлением работы с военнопленными являлась агитационно-пропагандистская работа. В июле 1945 г. начальники политуправлений военных округов получили телефонограмму, разъясняющую порядок политической работы с личным составом рабочих батальонов. Ее главными задачами являлись: мобилизация военнопленных на честный и добросовестный труд; донесение до них правдивой информации о Советском Союзе и Красной армии; воспитание антифашистов, дружелюбно относящихся к СССР; информирование военнопленных на основании материалов советской печати о положении в Германии и освобожденных от гитлеровского господства странах Европы; разоблачение чело­веконенавистнической идеологии и практики фашизма; разъяснение ведущей роли Советского Союза в демократизации Европы и искоренении нацизма.

Основными формами агитационно-массовой работы среди военнопленных были митинги, лекции, доклады, беседы, читка газет, вечера вопросов и ответов. Проведение политработы с военнопленными возлагалось на инструкторов по агитационно-массовой работе, которые вводились в штаты батальонов, а также на политически подготовленных переводчиков. В батальонах, ротах и взводах из числа проверенных и положительно

³⁶ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 613.

зарекомендовавших себя военнопленных формировался антифашистский актив. Из числа антифашистов назначались агитаторы, привлекавшиеся к проведению политзанятий под контролем инструкторов и переводчиков. Для членов антифашистского актива систематически проводились совещания с целью разъяснения основных вопросов текущей политики и производственных задач.

С помощью антифашистского актива развертывалось производственное соревнование, направленное на досрочное выполнение трудовых заданий, на увеличение норм выработки и на высокое качество работ. С целью мобилизации военнопленных на добросовестный труд, а также для показа хода и итогов производственного соревнования и популяризации отличников труда рекомендовался выпуск батальонных стенных газет. Подготовка материалов стенгазет возлагалась на антифашистов, а контроль за их содержанием – на инструкторов по агитационно-массовой работе. Также предусматривалось культурно-просветительское обслуживание военнопленных (киносеансы, концерты, шахматы, шашки и т.п.) на базе местных клубов и домов Красной армии.

Что касается офицерского, сержантского и рядового составов рабочих батальонов, то их надлежало мобилизовать на максимальное повышение бдительности. Особое внимание обращалось на борьбу с проявлениями панибратства с бывшим врагом. Отношение сотрудников к военнопленным должно было быть «строгим, но вместе с тем справедливым»³⁷.

Проверка качества политработы в ОРБ Московского, Ленинградского и Киевского военных округов, проведенная Главным политическим управлением Вооруженных сил СССР осенью 1946 г., показала, что политзанятия с военнопленными проводились нерегулярно и бессистемно, воспитательная работа с активом не была организована, производственное соревнование не развернуто, а состав политинструкторов слабо подготовлен. Все перечисленное, по мнению ГлавПУ ВС СССР, препятствовало успешному выполнению рабочими батальонами производственных задач и воспитанию из военнопленных «активных антифашистов и друзей Советского Союза»³⁸. В целях усиления политической работы среди военнопленных предлагалось: укомплектовать ОРБ инструкторами по агитмассовой работе из числа политически подготовленных работников, знавших немецкий язык; провести сборы инструкторов по агитмассовой работе в ОРБ с целью обмена опытом; улучшить работу с материалами газет, издаваемых для военнопленных на немецком языке³⁹.

³⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 334–335.

³⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 244–245.

³⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13–3). Кн. 2. С. 245.

На 1 марта 1947 г. в ведении МВС СССР действовало 183 отдельных батальона и 3 отдельные роты военнопленных. Наибольшее количество ОРБ располагалось на территории УССР (26), БССР (12), Московской (26) и Калининградской (15) областей, Приморского (25) и Хабаровского (14) краев⁴⁰.

В связи с отправкой ослабленного контингента на родину, направления больных военнопленных в спецгоспитали, перевода в лагеря МВД лиц не немецкой национальности, а также лиц, состоявших на оперативном учете, количество военнопленных, содержащихся в ОРБ, с каждым годом сокращалось (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность и движение военнопленных в ОРБ НКО-МВС в 1946–1948 гг.⁴¹

Дата	Всего состояло	из них выбыло за год			Всего
		На родину	В спецгоспитали и лагеря МВД	По другим причинам	
Военнопленные западных национальностей					
01.01.1946	142 571	2 870	54 743	11 420	69 033
01.01.1947	73 538	3 465	52 588	2 976	59 029
01.01.1948	14 509	–	–	–	–
Военнопленные японцы					
01.01.1946	67 809	12	12 890	1 386	14 288
01.01.1947	53 521	3 465	268	2 493	6 226
01.01.1948	47 295	–	–	–	–

Таким образом, численность военнопленных в ОРБ с января 1946 г. по январь 1948 г. сократилась с 210 380 до 61 804 чел., т.е. в 3,4 раза. Всего на 1 января 1948 г. на строительных объектах тыла МВС имелось 23 ОРБ с 14 509 военнопленными немцами и 46 ОРБ с 47 295 военнопленными японцами⁴².

К 1 апреля 1948 г. количество ОРБ с военнопленными немцами сократилось до 16 (7 506 чел.), с военнопленными японцами – выросло до 55 (45 116 чел.). Общая численность военнопленных в ОРБ составляла 52 622 чел.⁴³ В течение 1948 г. количество ОРБ уменьшилось с 69 до 21⁴⁴. В 1949 г. в связи с завершением репатриации военнопленных оставшиеся ОРБ были расформированы.

В заключение рассмотрим общие тенденции движения военнопленных в ОРБ в сравнении в другими учреждениями военного плена в СССР (см. табл. 3).

⁴⁰ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 621–625.

⁴¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 613.

⁴² Историческая справка о деятельности УПВИ–ГУПВИ МВД СССР // РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 64, 66.

⁴³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Т. 4. С. 613.

⁴⁴ Военнопленные в СССР. С. 1038.

Таблица 3

**Движение военнопленных в лагерях НКВД-МВД,
спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах НКО-МВС в 1945–1948 гг.⁴⁵**

Показатель	31.10.1945		01.04.1946		01.02.1947		01.01.1948	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Общая численность военнопленных, в том числе:	2 265 494	100,0	2 048 541	100,0	1 763 384	100,0	1 200 604	100,0
в тыловых лагерях	1 634 027	72,1	1 774 757	86,6	1 566 871	88,9	1 089 137	90,7
во фронтовых лагерях	240 654	10,6	–	–	–	–	–	–
в спецгоспиталях	52 191	2,3	91 217	4,5	71 011	4,0	49 683	4,1
в пути	156 622	6,9	–	–	–	–	–	–
в рабочих батальонах НКО-МВС	182 000	8,1	182 567	8,9	125 502	7,1	61 784	5,2

Данные таблицы свидетельствуют, что численность военнопленных в ОРБ НКО-МВС варьировалась в диапазоне от 5 до 9 % от общей численности военнопленных в СССР.

Теперь приведем сведения о смертности военнопленных в ОРБ НКО-МВС в сравнении с лагерями и спецгоспиталями НКВД-МВД (см. табл. 4).

Таблица 4

**Смертность военнопленных в лагерях НКВД-МВД,
спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах НКО-МВС в 1945–1949 гг.⁴⁶**

Учреждения	1945	1946	1947	1948	1949	Всего
Лагеря НКВД-МВД	131 467	44 792	8 404	1 375	687*	186 725
Госпитали	55 417	32 732	17 471	3 693		109 313
ОРБ НКО-МВС	3 933	7 438	3 320	341	84	15 116
Всего	190 817	84 962	29 195	5 409	771	311 154

*Примечание. Учтены как умершие в лагерях.

В целом, по подсчетам автора, в ОРБ НКО-МВС в 1945–1949 гг. умерло 15 116 военнопленных, что составляет 4,9 % от общей смертности военнопленных в СССР в рассматриваемый период. Если проанализировать относительные показатели, взяв для сравнения среднегодовую численность военнопленных в лагерях НКВД-МВД (1 576 362 чел.) и ОРБ (137 963 чел.) и среднегодовую смертность (46 681 чел. в лагерях НКВД-МВД и 3 779 чел. в

⁴⁵ Рассчитано по данным: Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). С. 456–457.

⁴⁶ Рассчитано по данным: Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). С. 474–475.

ОРБ) в 1945–1949 гг., то можно сделать вывод о примерно одинаковом уровне смертности контингента (3,0 % в лагерях НКВД-МВД и 2,7 % в ОРБ). Важно отметить, что полученные нами результаты расходятся с выводами ГУПВИ о более высокой смертности военнопленных в подразделениях НКО-МВС СССР, что ставит перед будущими исследователями задачу по более предметному изучению данного вопроса⁴⁷.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов, касающихся положения иностранных военнопленных периода Великой Отечественной войны в СССР.

Во-первых, необходимо отметить, что после разгрома Германии и ее союзников помимо системы НКВД-МВД значительный контингент военнопленных (свыше 200 тыс. чел.) был передан в ведение Наркомата обороны (затем – Министерства вооруженных сил СССР), для чего в его структуре были образованы отдельные рабочие батальоны военнопленных. В отличие от лагерей НКВД-МВД они имели меньшую численность контингента и личного состава, для делало их более мобильными и облегчало переброску на объекты, нуждавшиеся в дополнительной рабочей силе. В свою очередь, рассредоточение контингента по хозяйственным подразделениям НКО-МВС объективно затрудняло контроль за деятельностью ОРБ со стороны ГУПВИ.

Во-вторых, сравнительный анализ данных из разных источников (распорядительной, отчетной документации и статистических материалов) показывает сложную и противоречивую картину положения военнопленных в отдельных рабочих батальонах НКО-МВС. С одной стороны, практика содержания военнопленных в ОРБ, несмотря на постоянные усилия ГУПВИ изменить ее в лучшую сторону, не отвечала установленным требованиям, что проявлялось в неудовлетворительном состоянии жилищно-бытовых условий, продовольственного и вещевого обеспечения и медико-санитарного обслуживания. Проблемы в организации жизнеобеспечения военнопленных отрицательным образом сказывались на их трудовом использовании, делая существование многих рабочих батальонов нерентабельным. С другой стороны, судя по статистике смертности, положение военнопленных в рабочих батальонах НКО-МВС не принципиально отличалось от положения военнопленных в лагерях НКВД-МВД.

⁴⁷ Этот вывод подтверждается приказами и директивами НКВД-МВД с требованиями принять решительные меры по снижению заболеваемости и смертности, а также пресекать факты сокрытия и искажения данных о количестве умерших военнопленных в подведомственных лагерях (Военнопленные в СССР. С. 486–487, 489–492).

Все это актуализирует необходимость дальнейшего исследования практики содержания военнопленных в разных ведомственных учреждениях, а также механизма взаимодействия НКВД-МВД и НКО-МВС по вопросам содержания и трудового использования военнопленных.

Introduction

According to documents from the Red Army General Staff, Soviet troops captured 4,377,000 German and allied servicemen during the Great Patriotic War. Following the defeat and surrender of the Kwantung Army in August 1945, the number of prisoners of war increased by 639,000.¹ To receive and accommodate so many disarmed servicemen of the enemy armed forces, a system of military captivity and internment agencies and institutions was established in the Soviet Union and other countries liberated by Soviet troops. That system included 24 frontline camps, 72 reception and transit points, over 500 permanent camps and special facilities, 214 special hospitals, and 322 repatriation camps.²

Most foreign prisoners of war remained under the jurisdiction of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR (since March 1946, the Ministry of Internal Affairs of the USSR). As its part, the Directorate for Prisoners of War and Internees (UPVI) was established (in January 1945 it was renamed the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD-MVD of the USSR (GUPVI)). Domestic and foreign historiography has described in detail the organizational structure and activities of the UPVI-GUPVI as well the life support and labor of prisoners of war in NKVD-MVD camps.³ However, the practice of

¹ M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya, comps., *Prisoners of War in the USSR: Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: Logos, 2000), 12.

² Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 12.

³ E.Yu. Bondarenko, *Foreign prisoners of war in the Russian Far East (1914–1956)* [in Russian] (Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002); V.A. Vsevolodov, "For Permanent Storage!": *A Brief History of the Prisoner-of-War and Internment Camp of the UPVI NKVD-MVD USSR no. 27* [in Russian] (Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2003); V.P. Galitskii, *Finnish Prisoners of War in NKVD Camps (1939–1953)* [in Russian] (Moscow: Graal', 1997); M.T. Giusti, *Italian Prisoners of War in the USSR, 1941–1954* [in Russian], trans. M. Talalai (St Petersburg: Aleteiya, 2010); A.E. Epifanov, *History and Legal Status of Wehrmacht Prisoners of War in Stalingrad. 1942–1956* [in Russian] (Volgograd: Volgogradskaya academia MVD Rossii, 2007); S. Karner, *The GUPVI Archipelago: Captivity and Internment in the Soviet Union. 1941–1956* [in Russian], trans. O. Aspisova (Moscow: RGGU, 2002); E.L. Katasonova, *The Last Prisoners of the World War II: Little-Known Pages of Russian-Japanese Relations* [in Russian] (Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2005); V.B. Konasov, *The Fates of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, Legal, and Political Aspects of the Problem. Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996); V.B. Konasov, and A.L. Kuz'minykh, *Finnish Prisoners of World War II in the European North (1939–1955): Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Poligrafist, 2002); A.A. Krupennikov, *Heavy Burden of Captivity: The Articles 1993–2000* [in Russian] (Moscow: Reittar", 2001); S.I. Kuznetsov, *The Japanese in Siberian Captivity (1945–1956)* [in Russian] (Irkutsk: IGU, 1997); A.L. Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)* [in Russian] (Moscow:

keeping prisoners of war within the structures of other agencies, including those that belonged to the Armed Forces of the USSR, has been studied much more fragmentarily.

The subject of scientific analysis in this article is the legal status and activities of separate labor battalions (ORB) for prisoners of war within the People's Commissariat of Defense – the Ministry of Armed Forces of the USSR between 1945 and 1949 as well as the conditions and situation of the contingent held in such battalions. A number of scientific publications, primarily based on regional materials, are devoted to the formation and functioning of these institutions. Examples include articles by S. Kim,⁴ D. Perevoshchikov,⁵ and N. Smirnova.⁶ These works describe

Politicheskaya entsiklopediya, 2017); A.L. Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR (1939–1956)* [in Russian] (Vologda: Drevnosti severa, 2016); N.S. Lebedeva, *Katyn: A Crime Against Humanity* [in Russian] (Moscow: Progress, 1994); A.A. Dolgolyuk, and N.M. Markdorf, *Foreign Prisoners of War and Internees in Siberia (1943–1950)* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2016); A.B. Popov, *Prisoners of the Great War: Foreign Prisoners of War in the USSR in 1941–1945* [in Russian] (Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2000); O.V. Potyl'chak, *Soviet Military Captivity and Internment in Ukraine (1939–1954)* [in Ukrainian] (Kiev: Vydavnistvo Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. M.P. Dragomanova, 2004). S.G. Sidorov, *Labour of Prisoners of War in the USSR, 1939–1956* [in Russian] (Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001); N.V. Surzhikova, *Foreign Prisoners of War of World War II in the Middle Urals (1942–1956)* [in Russian] (Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006); D.D. Frolov, *Soviet-Finnish Captivity. 1939–1944. On Both Sides of the Barbed Wire* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya; Helsinki: RME Group Oy, 2009); E.M. Tsunaeva, *Institutions of Military Captivity of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)* [in Russian] (Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010); A.S. Chaikovskii, *Captivity. For Someone Else's and One's Own Sins (Prisoners of War and Internees in Ukraine 1939–1953)* [in Russian] (Kiev: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2005); A.V. Sharkov, *The GUPVI Archipelago: Prisoners of War and Internees in the Territory of Belarus: 1944–1951* [in Russian] (Minsk: Tezei, 2003); A.S. Blank, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR* (Köln: Pahl-Rugenstein, 1979); R. Dähler, *Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten* (Vienna, Berlin: LIT, 2007); K.-H. Frieser, *Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee "Freies Deutschland"* (Meinz: v. Hase & Koehler Verlag, 1981); A. Hilger, *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* (Essen: Klartext-Verlag, 2000); A. Lehmann, *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion* (Munich: C.H. Beck, 1986); *Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten*, hrsg. E. Scherstjanoj (Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010).

⁴ S.P. Kim, "Political Work in the MVD Camps and Separate MVD Labor Battalions for Japanese Prisoners of War (1945–1956)" [in Russian], *Klio*, no. 4 (100) (2015): 164–68. EDN: TOPQWD

either the history of specific ORBs or certain aspects of their activities, such as organization of political work with the Japanese prisoners of war. Therefore, they do not claim to provide a comprehensive study of the issue.

Scientific novelty of this study lies in its examination of the ORBs as a specific institution of military captivity, which was created within the structure of the Ministry of Armed Forces of the USSR. While examining this problem, the author employed problem-chronological, structural-functional, typological, and comparative historical research methods. The source materials referred to in the article include records from both the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD-MVD of the USSR, and the People's Commissariat of Defense – the Ministry of Armed Forces of the USSR. All these structures were responsible for the accommodation and labor use of prisoners of war held in separate labor battalions. Of particular interest are special orders and directives of the NKVD-MVD and the People's Commissariat of Defense – the Ministry of Armed Forces of the USSR, regarding the maintenance of prisoners of war, reports and reviews from the GUPVI containing information on deficiencies identified during inspections of individual labor battalions, and reports on the deployment of the ORBs and the size and composition of the contingent held in them. In addition to the published archival materials,⁷ the author considered documents from the Russian State Military Archive and the Archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Vologda Oblast.

⁵ D.V. Perevoshchikov, "From the History of Individual Labor Battalions of Prisoners of War in Udmurtia in 1945–1948" [in Russian], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 26 (2018): 101–08, <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.101>

⁶ N.B. Smirnova, "Separate Labor Battalion of Prisoners of War no. 369 (Alatyr)" [in Russian], in *Scientific Research: From Theory to Practice: Collection of Articles of the 9th International Scientific and Practical Conference* (Cheboksary, July 10, 2016), iss. 3 (9), ed. O.N. Shirokov et al. (Cheboksary: TsNS "Interaktiv Plyus," 2016), 31–32.

⁷ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, *Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD–MVD of the USSR. 1941–1952: Reporting and Reference Documents and Materials* [in Russian], ed. M.M. Zagorul'ko et al., (Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2004); *Russian Archive: Great Patriotic War* [in Russian], ed. V.A. Zolotarev, vol. 24 (13–1), *Foreign Prisoners of World War II in the USSR. Regulatory Documents* (Moscow: TERRA, 1996); *Russian Archive: Great Patriotic War* [in Russian], ed. V.A. Zolotarev, vol. 24 (13–2), *German Prisoners of War in the USSR. Documents and Materials. 1941–1955*, bk. 1 (Moscow: TERRA, 1999); *Russian Archive: Great Patriotic War* [in Russian], ed. V.A. Zolotarev, vol. 24 (13–3), *German Prisoners of War in the USSR. Documents and Materials. 1941–1955*, bk. 2 (Moscow: TERRA, 2002).

Main body

The use of prisoners of war as labor force by the People's Commissariat of Defense of the USSR began in 1943, soon after the capitulation of the Nazi German forces in Stalingrad. At that time, no special units for prisoners of war existed within the People's Commissariat of Defense. As a rule, prisoners of war were allocated by the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR on a general basis on requests from enterprises and organizations in need of labor. For instance, a report on prisoners of war used in industrial work dated February 4, 1943, mentions the work of 786 prisoners of war at the military forestry enterprise of the People's Commissariat of Defense in the Mari ASSR.⁸ By March 1943, 1,398 captured enemies had already been working at that facility.⁹ As of June 19, 1944, the number of prisoners of war working at enterprises and construction sites of the People's Commissariat of Defense was 2,149 and 14,040 as of December 5, 1944. As of May 17, 1945, the People's Commissariat of Defense had 33,000 prisoners of war and 550 mobilized Germans under its jurisdiction. Of them, 22,600 were used in the work of the 1st, 2nd, and 3rd Belorussian and 2nd and 3rd Ukrainian Fronts; 6,000, in the construction of the Novo-Tveretskii Canal; 2,500, at the Armored Plant no. 8 in Kiev; 1,900, for other works in Asbest, Bezhitsa, Bobruisk, Kiev, Kuibyshev, and Minsk.¹⁰

Following the massive influx of prisoners of war into the USSR after the capitulation of Nazi Germany in May–June 1945, the Soviet government decided to transfer them to various government agencies to be used as labor force. Based on decrees of the State Defense Committee and orders of the NKVD, the People's Commissariat of Defense of the USSR received 310,000 prisoners of war captured on the Soviet–German front.¹¹ They were to be employed in construction, restoration, and repair works as well as in logging and in the production of building materials (in quarries, stone mines, etc.).

To accommodate and employ prisoners of war, separate labor battalions (ORBs) were created within the of People's Commissariat of Defense. That practice corresponded to the militarized system of organizing labor and living conditions of prisoners of war, introduced by order of the NKVD no. 00311 as of April 16, 1945. All prisoners of war were divided into squads (12–15 people), platoons (36–40 people), companies (150–160 people), and battalions (600–700 people), which were formed according to nationality.¹²

⁸ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 165.

⁹ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 167.

¹⁰ Popov, *Prisoners of the Great War*, 232–33.

¹¹ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 240.

¹² “Prikaz NKVD SSSR № 00311 o sformirovanii otdelenii, vzvodov, rot i batal'onov iz chisla voennoplennykh, sodержashchikhsya v lageryakh MVD ot 16 aprelya 1945 g.” [Order of the

Unlike the NKVD-MVD system, where the primary type of prisoner-of-war detention facility was a camp with subcamps designed to accommodate thousands of prisoners, separate labor battalions of the People's Commissariat of Defense – the Ministry of Armed Forces were compact units of 500 to 1,000 people. While prisoner-of-war camps served industrial enterprises and construction projects of national and regional significance, ORBs were engaged in construction and economic tasks within the military defense department.

Each separate labor battalion consisted of three companies; each company, of three platoons; each platoon, of four squads. The personnel of each battalion consisted of 59 persons (15 officers, 10 sergeants, and 34 privates). It was led by a commander, his deputy, and an assistant for logistics. The ORB structure included a combat unit (4 people); a 10-bed medical station served by a staff of 3 persons: a chief physician (head of the infirmary), a doctor, and a senior paramedic; a security platoon (32 people) consisting of a commander and his assistant, 4 squad leaders, a cook, and 25 privates; a party organizer (who was also an instructor for work among prisoners of war); a supply platoon of 10 prisoners of war. Except for the operative and operational translators who were employees of the NKVD, battalion personnel were maintained at the expense of the People's Commissariat of Defense of the USSR.¹³

In July 1945, the Red Army's Chief of Logistics, General of the Army A. Khrulyov, approved the "Regulations on the Formation and Procedure for the Use of Prisoner-of-War Labor Battalions." The formation of those battalions and the following assignment of serial numbers to them were carried out by district (front) military councils. The distribution of battalions among the central directorates of the People's Commissariat of Defense, military districts, and economic organizations was organized following orders of the Red Army's Chief of Logistics. These separate labor battalions were maintained by the state budget and financed according to the relevant items in the budget of the People's Commissariat of Defense, with the exception of expenses for the payment of monetary compensation to prisoners of war,

NKVD of the USSR no. 00311 on the formation of squads, platoons, companies, and battalions from among prisoners of war held in MVD camps, dated April 16, 1945]. F. 6, op. 1, d. 463, ll. 17–20, 192–195. Arkhiv Upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti [Archive of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Vologda Oblast] (Arkhiv UMVD Rossii po VO). Vologda, Russia; Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 598–602; *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–1), 178–81.

¹³ "Istoricheskaya spravka o deyatelnosti UPVI–GUPVI MVD SSSR i ego periferiinykh organov za period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg." [Historical information on the activities of the UPVI–GUPVI of the MVD of the USSR and its peripheral bodies during the Great Patriotic War of 1941–1945]. F. 1p, op. 23a, d. 1, l. 62. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA). Moscow, Russia; Popov, *Prisoners of the Great War*, 232–33.

which was allocated from the funds they earned themselves. The rest of those funds was to be donated to the Union budget.¹⁴

Battalions reported either to the heads of the People's Commissariat of Defense directorates or to the quarters and operations department of the quartermaster's office of the military district (front) for which they performed work. In terms of production, commanders of labor battalions were supervised by heads of sections (enterprises). All labor arrangements for prisoners of war were strictly regulated. A normal working day was ten hours long. Prisoners of war were granted one day off per week. To reduce lost time due to adverse weather conditions and other external circumstances, work was permitted on weekends, with a mandatory day off before the following day off. Battalion commanders were required to ensure that at least 90% of workers were available for production, as well as to monitor discipline on site.

Each prisoner of war was required to work according to established production quotas for a specific type of work. Battalion commanders recorded all the work performed through company commanders and rate-setters, also referred to as quantity surveyors. The battalion commander was also responsible for overseeing the proper accounting of the prisoners' earnings.¹⁵

Former enemy servicemen were divided into three categories based on their physical capability. The first category included those who were fit for heavy physical labor; the second category, fit for physical labor; and the third category, fit for light labor. The division of prisoners of war into the categories was made by order of the battalion commander after a medical examination of the special contingent by the battalion's medical service. Prisoners of war in the second category were permitted to perform heavy physical labor, and those in the third category were permitted to perform physical labor, with the fulfilment of established production quotas of 70% and 50%, respectively. No additional pay was provided for overtime or night work.¹⁶

In order to encourage prisoners of war to meet the assigned production quotas, the following measures were used: provision of food rations and monetary rewards on a differentiated scale, corresponding to the percentage of work assignments fulfilled and exceeded; priority provision of clothing, footwear, and bedding to prisoners who performed well, and providing them with improved accommodation conditions. For example, those engaged in heavy physical labor were given 650 grams of bread for completing less than 50% of the production quota; 700 grams for 50–80%; 750 grams for 80–100%; 800 grams for over 100%. Furthermore, prisoners who met and

¹⁴ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 227.

¹⁵ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 227.

¹⁶ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 228–29.

exceeded quotas received 50 grams of cereal, 25 grams of meat, 25 grams of fish, and 10 grams of fat daily in addition to their basic ration.

Regarding monetary compensation, those engaged in standardized work were paid 10 rubles per month for achieving 40–50% of the established quota; 15 rubles for 51–80%; 30 rubles for 91–90%; 50 rubles for 91–100%; 80 rubles for 101–110%; 120 rubles for 111–120%; 150 rubles for 121–130%; and 200 rubles for over 130%. Administrative, support, and technical personnel from among the prisoners of war also received monetary compensation based on the percentage of work assignments completed and exceeded by the units they led. The monetary amounts earned by prisoners of war were not given to them in cash but deposited into their personal accounts.¹⁷

To coerce prisoners of war who worked poorly, it was allowed to leave those who had not completed their work assignments to work overtime for two hours. Malingerers and saboteurs were also transferred to penal units with particularly harsh work regime for up to three months and deprived of their pay and any additional rations. Those who deviated from work and disrupted production were to be tried by a military tribunal.¹⁸

As of October 5, 1945, the People's Commissariat of Defense had 190,439 prisoners of war from the former German army at its disposal, of whom 38,649 were used in the rear military districts; 3,000 in the construction of the Novo-Tveretskii Canal; 40,115 in the construction of storage facilities at army transshipment bases; 33,002 in loading and unloading operations; 75,668 more were in service for the Northern and Central Groups of Forces as well as units of the former 3rd Belorussian Front.¹⁹

The deployment of individual labor battalions of the People's Commissariat of Defense of the USSR as of October 1, 1945, is reflected in Table 1.

Table 1

The deployment of separate labor battalions of prisoners of war of the People's Commissariat of Defense of the USSR as of October 1, 1945²⁰

no.	Region	Number of ORBs	Number of prisoners of war
1.	Ukrainian SSR	32	32,204
2.	Lithuanian SSR	15	11,477
3.	Byelorussian SSR	11	9,030

¹⁷ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 229–31.

¹⁸ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 229.

¹⁹ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–2), bk. 1, 240.

²⁰ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 611.

no.	Region	Number of ORBs	Number of prisoners of war
4.	Estonian SSR	1	2,747
5.	North Ossetian ASSR	1	247
6.	Udmurt ASSR	2	679
7.	Moscow Oblast	14	10,052
8.	Gorky Oblast	3	642
9.	Kaluga Oblast	1	300
10.	Kalinin Oblast	3	1,472
11.	Smolensk Oblast	3	1,287
12.	Penza Oblast	1	904
13.	Saratov Oblast	1	803
14.	Sverdlovsk Oblast	2	1,000
15.	Bryansk Region	1	523
16.	Kursk Oblast	1	480
17.	Leningrad Oblast	5	5,224
18.	Pskov Oblast	1	720
19.	Kuibyshev Oblast	1	1,019
Total:		99	80,810

Data analysis shows that the largest number of ORBs were deployed in the Ukrainian, Lithuanian, and Byelorussian SSRs, and in Moscow and Leningrad regions.

By the decision of the Soviet government, the People's Commissariat of Defense of the USSR was assigned responsibility for the care, protection, labor use, and provision of food and clothing for prisoners of war in ORBs. In turn, the GUPVI and its regional bodies oversaw the care and labor use of prisoners of war, as well as their operational support. The GUPVI fulfilled those functions through the territorial NKVD-UNKVD directorates, which included subdivisions (directorates, departments, sections, groups, and authorized representatives) for prisoners of war and internees.²¹

Based on directive no. 161 as of September 17, 1945, issued by Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR, Colonel-General V. Chernyshov, the GUPVI-NKVD of the USSR conducted an inspection of the conditions of detention of prisoners of war in ORBs through its regional branches. Particular attention was paid to proper organization of registration, accommodation, regime and security, food, provision of uniforms, labor use, medical care, and preparation of accommodation facilities for winter. Information on emergency situations was monitored, including prisoner escapes, incidents of personnel using weapons,

²¹ "Istoricheskaya spravka o deyatelnosti UPVI–GUPVI MVD SSSR i ego periferiinykh organov za period Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg." [Historical information on the activities of the UPVI–GUPVI of the MVD of the USSR and its peripheral bodies during the Great Patriotic War of 1941–1945]. F. 1p, op. 23a, d. 1, l. 64. RGVA.

suicides and self-mutilation, and mass unrest (riots, insubordination of battalion command, etc.).²²

During the inspection of ORBs, serious violations of the established regulations for maintaining prisoners-of-war were discovered. Accommodation facilities were in rather poor condition; bathhouses and disinfection chambers were absent in most battalions; there were no infirmaries at all; the established workday duration was violated. The Red Army's Chief of Logistics, General of the Army A. Khrulyov, was informed of those deficiencies. On November 29, 1945, in coded telegram no. 7358, he ordered the military district commanders to eliminate the shortcomings in accommodation, protection, and labor use of prisoners of war held in ORBs. Specifically, it was ordered to create special operational groups at the military district rear headquarters to manage the work of ORBs; equip each battalion with infirmaries, bathhouses, and disinfection chambers; organize provision of medical care and have a workday for prisoners of war of no more than eight hours; provide them with the necessary uniforms; and provide additional food for those who met or exceeded their production quotas.²³

As of January 1, 1946, after the transfer of prisoners of war from frontline units to construction sites and for economic work, the People's Commissariat of Defense's military districts comprised 146 separate labor battalions with 142,571 prisoners of war of Western nationalities. In addition, 54 separate labor battalions consisting of 67,809 Japanese prisoners of war were formed in the eastern territories and regions of the USSR. Thus, as of January 1, 1946, the People's Commissariat of Defense was in charge of 200 separate labor battalions with 210,380 prisoners of war held in them.²⁴

Unfortunately, the available archival documents contain no detailed information on the composition of the contingent in separate labor battalions. Some information can be obtained from a report by Major Makov, head of the 2nd Department of the Main Directorate of Prisoners of War of the NKVD of the USSR, on the progress of registering prisoners of war held in the labor battalions of the People's Commissariat of Defense of the USSR, dated February 16, 1946. According to it, as of February 16,

²² “Direktiva NKVD SSSR № 161 ob uporyadochenii ucheta i kontrolya za sodержaniem voennoplennykh v batal'onakh NKO ot 17 sentyabrya 1945 g.” [Directive of the NKVD of the USSR no. 161 on the streamlining of the accounting and control over the detention of prisoners of war in the battalions of the People's Commissariat of Defense of the USSR, September 17, 1945]. F. 6, op. 1, d. 463, ll. 44 ob.–46. Arkhiv UMVD Rossii po VO; *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–1), 241–43.

²³ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 612.

²⁴ “Istoricheskaya spravka o deyatelnosti UPVI–GUPVI MVD SSSR i ego periferiinykh organov za period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.” [Historical information on the activities of the UPVI–GUPVI of the MVD of the USSR and its peripheral bodies during the Great Patriotic War of 1941–1945]. F. 1p, op. 23a, d. 1, l. 64. RGVA.

1946, 80 ORBs with 72,364 prisoners of war were registered, including 2,202 officers, 17,227 junior officers, and 52,935 privates. The national composition of the contingent was as follows: 53,081 Germans, 1,419 Hungarians, 1,139 Austrians, 684 Czechs, 287 Poles, 200 Romanians, 169 Yugoslavs (Croats, Slovenes, Serbs), 70 Frenchmen, 61 Estonians, 28 Slovaks, 24 Jews, 21 Transcarpathian Ukrainians, 19 Belgians, 16 Italians, 14 Lithuanians, 8 Latvians, 6 Danes, 6 Dutchmen, 6 Swiss, 4 Luxembourgers, 1 Englishman, 1 American, 14 citizens of the USSR, and 15,086 persons of unspecified nationality.²⁵ Thus, the contingent in ORBs included representatives of over 25 nationalities, with Germans accounting for three quarters of the total number of prisoners. Directive of the NKVD no. 161 as of September 17, 1945, ordered that only persons of German nationality be retained in labor battalions, while representatives of other nationalities were to be transferred to the NKVD prisoner-of-war camps for further detention or repatriation.²⁶

According to NKVD-MVD inspection reports, the situation with prisoners of war in ORBs of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces continued to be unsatisfactory. Directive of the NKVD no. 207 as of November 17, 1945, and directive of the MVD no. 134 as of May 25, 1946, on measures to eliminate deficiencies in the condition of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces labor battalions confirm that too.²⁷ The situation was aggravated by the fact that, due to the different departmental affiliations of the labor battalions, special hospitals of the NKVD-MVD often refused to accept their contingent for treatment. Colonel General V. Chernyshov, Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the USSR, was forced to issue a special directive clarifying that sick prisoners of war held in ORBs should be accepted for treatment in special hospitals along with prisoners of war from the NKVD camps.²⁸ A letter from Colonel-General S. Kruglov, the USSR People's Commissar of Internal Affairs, shows that that requirement was not met. The letter was addressed to General of the Army A. Khrulyov, the Red Army's Chief of Logistics, and contained a request to pay special attention to the organization of a special hospital network to relieve ORBs of sick prisoners of war who needed special treatment, since the use of the hospital network of the NKVD camps was not possible due to a lack of available space.²⁹

In 1946–47, the GUPVI sent over 150 reports, official letters, and reviews to A. Khrulyov, Chief of Logistics of the Ministry of Armed Forces of the USSR, with

²⁵ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 612.

²⁶ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–1), 241–43.

²⁷ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–1), 266, 325–26.

²⁸ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–1), 288–89.

²⁹ Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 236.

requests and demands to address the deficiencies identified in the work of ORBs.³⁰ A review of those documents clearly reveals the presence of gross violations leading to widespread illness and death among prisoners of war. For example, in battalion no. 456 (Bryansk Oblast), prisoners were housed in damp, moldy bunkers, slept on mats of rotten reeds, and had no bathhouse or laundry facilities. That resulted in widespread lice infestation. Consequently, 46 people died in that battalion in the first quarter of 1946. In December 1945, 137 prisoners of war died in ORB no. 393 (Lvov Oblast) due to poor sanitary and hygienic conditions and widespread illness. In ORB no. 486 (Novgorod Oblast), prisoners of war lived in summer tents during winter months when temperatures ranged from -5°C to $+2^{\circ}\text{C}$. Of the 1,100 prisoners of war, 632 had only summer service jackets, garrison caps, and worn-out summer shoes. As a result, 180 people died in the battalion within two months.³¹

Moreover, failure to comply with security and safety requirements (lack of camp fencing, observation towers, etc.) led to mass escapes of prisoners of war. For example, on December 4, 1945, 14 prisoners of war escaped from ORB no. 466 (Drohobych Oblast) while working in logging camps, and only five of them were captured.³²

As for production activities of labor battalions, the contingent was typically used for unskilled and low-paid jobs, often without regard for meeting any production quotas, i.e., extremely ineffectively.³³ The range of work performed by prisoners was quite diverse: they built defense facilities and narrow-gauge railways, worked in logging, loading and unloading railroad cars, on subsidiary farms, and so on.³⁴

The administrative headquarters of the Ministry of Armed Forces of the USSR regularly received letters from the GUPVI. The latter requested to address the deficiencies in the work of ORBs. In its turn, the Ministry demanded that military district commanders promptly responded to all concerns of regulatory agencies. Specifically, by directive no. 362 as of January 25, 1946, Chief of Logistics of the Ministry of Armed Forces of the USSR requested that deputy commanders of military districts for logistics conducted an inspection of all ORBs and created the

³⁰ “Istoricheskaya spravka o deyatelnosti UPVI–GUPVI MVD SSSR i ego periferiinykh organov za period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.” [Historical information on the activities of the UPVI–GUPVI of the MVD of the USSR and its peripheral bodies during the Great Patriotic War of 1941–1945]. F. 1p, op. 23a, d. 1, l. 64. RGVA; Popov, *Prisoners of the Great War*, 238; *Prisoners of War in the USSR*, 236–40; *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 631–36.

³¹ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 631–36.

³² Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 239.

³³ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 631–36.

³⁴ Perevoshchikov, “From the History of Individual Labor Battalions of Prisoners of War in Udmurtia in 1945–1948,” 101–08.

required conditions for prisoners of war. Directive no. 76/III as of February 20, 1946, recognized the procedure for establishing hospitals in ORBs and providing them with medicines. Directive no. 43549 as of April 17, 1946, established the procedure for guarding prisoners of war held in ORBs and at work sites. Finally, in order to maintain the physical condition of prisoners of war, directive no. 43766 as of May 7, 1945, required the formation of health teams in ORBs, improvement of nutrition and medical care, and organization of monthly reporting on the physical condition, morbidity, and mortality among prisoners of war held in ORBs.³⁵

However, despite extensive bureaucratic correspondence, operational experience showed that the GUPVI's control over care, security, and labor of prisoners of war in ORBs of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces ineffective. Feeling no responsibility for the physical well-being of the prisoners, the ORB command violated established regulations for their accommodation, registration, supplies, and labor use.

In June 1946, a routine inspection revealed violations of orders and directives of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Armed Forces in 40 ORBs. In those battalions, the workday for prisoners of war lasted 10–14 hours; weakened individuals were used for heavy labor and walked to remote production sites on foot; gaps between meal times lasted up to 12 hours; reliable security for the contingent at the work sites was absent. Due to improper work organization and labor distribution, those battalions were unprofitable, and prisoners of war earned very little (3–4 roubles per day). As a result, the physical condition of prisoners of war in the ORBs was significantly worse than that of prisoners of war in the MVD camps. According to the GUPVI, labor force in ORBs did not exceed 23–32% of the total number of prisoners of war; the mortality rate was five times higher than in POV camps of the MVD (see below a comparative analysis of the mortality rate of prisoners of war in the MVD camps and in the ORBs of the Ministry of Armed Forces); and the number of escapes was seven times higher.³⁶

All this forced the GUPVI to repeatedly address the issue before higher authorities regarding the transfer of prisoners of war from ORBs to the MVD camps and the allocation of labor to the rear services of the Ministry of Armed Forces on the same basis as other ministries. However, due to the categorical objection to those measures by the Chief of Logistics of the Ministry of Armed Forces, the issue was not resolved.

An important area of work with prisoners of war was agitation and propaganda. In July 1945, heads of political directorates of military districts received a telegram explaining the procedure for political work with the workers of labor battalions. Its

³⁵ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 613.

³⁶ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 613.

main objectives were: mobilizing prisoners of war for honest and conscientious labor; conveying to them truthful information about the Soviet Union and the Red Army; educating them as anti-fascists friendly to the USSR; informing prisoners of war about the situation in Germany and other European countries liberated from Nazi rule using the materials from the Soviet press; exposing the misanthropic ideology and practices of fascism; explaining the leading role of the Soviet Union in the democratization of Europe and extermination of Nazism.

The main forms of agitation and propaganda work among prisoners of war included rallies, lectures, reports, discussions, newspaper readings, and question-and-answer sessions. Political work with prisoners of war was entrusted to propaganda instructors assigned to battalion staff and politically trained translators. Within battalions, companies, and platoons, an anti-fascist cadre was formed from vetted and positively proven prisoners of war. Agitators were appointed from among the anti-fascists to conduct political classes under the supervision of instructors and translators. Regular meetings were held for members of anti-fascist cadre to explain key issues of current policy and operational objectives.

With the help of anti-fascist activists, a production competition was launched. It was aimed at achieving early production targets, increasing production quotas, and promoting high-quality work. To mobilize prisoners of war for conscientious work, to publicize the progress and results of the production competition, and to promote outstanding workers, publication of battalion wall newspapers was recommended. Anti-fascists were responsible for preparing wall newspapers, while propaganda instructors were responsible for overseeing their content. Cultural and educational activities for prisoners of war (e.g. film screenings, concerts, chess and checkers games, etc.) were also provided at local clubs and Red Army houses.

As for the officers, sergeants, and enlisted personnel of the labor battalions, they were to be mobilized to the utmost vigilance. Particular attention was paid to combating any instances of familiarity with the former enemy. The attitude of the personnel toward prisoners of war was to be “strict, but at the same time fair.”³⁷

The Main Political Directorate of the Armed Forces of the USSR made an inspection of the quality of political work in the separate labor battalions of the Moscow, Leningrad, and Kiev military districts in the autumn of 1946. That inspection revealed that political classes with prisoners of war were conducted irregularly and unsystematically; educational work with activists was unorganized; industrial competition was not extensive; and political instructors were poorly trained. All of this, in the opinion of the Main Political Directorate of the Armed Forces of the USSR, hindered the successful fulfilment of industrial tasks by the

³⁷ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–3), bk. 2, 334–35.

labor battalions and the education of prisoners of war as “active anti-fascists and friends of the Soviet Union.”³⁸ In order to strengthen political work among prisoners of war, it was proposed to staff the independent labor battalions with instructors in agitation and mass work from among politically trained workers who knew German; to hold training sessions for instructors in agitation and mass work in the independent labor battalions for the purpose of exchanging experience; to improve work with newspaper materials published for prisoners of war in German.³⁹

As of March 1, 1947, the Ministry of Internal Affairs of the USSR had 183 separate labor battalions and 3 separate companies of prisoners of war operating under its jurisdiction. The largest number of separate battalions were located in the Ukrainian SSR (26), the Byelorussian SSR (12), Moscow Oblast (26), Kaliningrad Oblast (15), and Primorskii Krai (25), Khabarovsk Krai (14).⁴⁰

Due to sending the weakened contingent to their homeland, sending sick prisoners of war to special hospitals, transferring all POWs of non-German nationality and persons on operational registration to the camps of the Ministry of Internal Affairs, the number of prisoners of war held in ORBs decreased every year (see Table 2).

Table 2

The number and movement of prisoners of war in ORBs of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces 1946–48⁴¹

Date	Number of POW	Departed within a year			Total
		to their homeland	to special hospitals and camps of the MVD	for other reasons	
Prisoners of war of western nationalities					
Jan. 1, 1946	142,571	2,870	54,743	11,420	69,033
Jan. 1, 1947	73,538	3,465	52,588	2,976	59,029
Jan. 1, 1948	14,509	–	–	–	–
Japanese prisoners of war					
Jan. 1, 1946	67,809	12	12,890	1,386	14,288
Jan. 1, 1947	53,521	3,465	268	2,493	6,226
Jan. 1, 1948	47,295	–	–	–	–

Thus, the number of prisoners of war in ORBs between January 1946 and January 1948 decreased from 210,380 to 61,804 people, i.e. 3.4 times. In total, as of January 1, 1948, there were 23 ORBs with 14,509 German prisoners of war and

³⁸ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–3), bk. 2, 244–45.

³⁹ *Russian Archive: The Great Patriotic War*, vol. 24 (13–3), bk. 2, 245.

⁴⁰ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 621–25.

⁴¹ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 613.

46 ORBs with 47,295 Japanese prisoners of war at the construction sites of the rear of the Ministry of Armed Forces.⁴²

By April 1, 1948, the number of ORBs containing German prisoners of war had decreased to 16 (with 7,506 people in them), while those holding Japanese prisoners of war had increased to 55 (with 45,116 people in them). The total number of prisoners of war in ORBs was 52,622 people.⁴³ During 1948, the number of ORBs decreased from 69 to 21.⁴⁴ In 1949, due to the completion of the repatriation of prisoners of war, the remaining ORBs were also disbanded.

In conclusion, let us consider the general trends in the movement of prisoners of war in ORBs in comparison with other military captivity institutions in the USSR (see Table 3).

Table 3

The movement of prisoners of war in NKVD-MVD camps, special hospitals, and separate labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces in 1945–48⁴⁵

Indicator	October 31, 1945		April 1, 1946		February 1, 1947		January 1, 1948	
	persons	%	persons	%	persons	%	persons	%
Total number of prisoners of war, including those :	2,265,494	100.0	2,048,541	100.0	1,763,384	100.0	1,200,604	100.0
in rear-area camps	1,634,027	72.1	1,774,757	86.6	1,566,871	88.9	1,089,137	90.7
in front-line camps	240,654	10.6	–	–	–	–	–	–
in special hospitals	52,191	2.3	91,217	4.5	71,011	4.0	49,683	4.1
in transit	156,622	6.9	–	–	–	–	–	–
in the labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of the Armed Forces	182,000	8.1	182,567	8.9	125,502	7.1	61,784	5.2

⁴² “Istoricheskaya spravka o deyatelnosti UPVI–GUPVI MVD SSSR i ego periferiinykh organov za period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.” [Historical information on the activities of the UPVI–GUPVI of the MVD of the USSR and its peripheral bodies during the Great Patriotic War of 1941–1945]. F. 1p, op. 23a, d. 1, ll. 64, 66. RGVA.

⁴³ *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956*, vol. 4, 613.

⁴⁴ Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 1038.

⁴⁵ Calculated according to the data from Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR*, 456–57.

The table shows that the number of prisoners of war in the ORBs of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces ranged from 5% to 9% of the total number of prisoner-of-war population in the USSR.

Let us also present data on POW mortality in the ORBs compared to the NKVD-MVD camps and special hospitals (see Table 4).

Table 4

Mortality of prisoners of war in NKVD-MVD camps, special hospitals, and separate labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces in 1945–49⁴⁶

Institutions	1945	1946	1947	1948	1949	Total
NKVD-MVD camps	131,467	44,792	8,404	1,375	687*	186,725
Special hospitals	55,417	32,732	17,471	3,693		109,313
Separate labor battalions	3,933	7,438	3,320	341	84	15,116
Total	190,817	84,962	29,195	5,409	771	311,154

*Note. Counted as those who died in camps.

Overall, according to the author's calculations, 15,116 prisoners of war died in separate labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces between 1945 and 1949. This constitutes 4.9% of the total POW mortality rate in the USSR during the period under review. If we analyze the comparative indicators, taking for comparison the average annual number of prisoners of war in the NKVD-MVD camps (1,576,362 people) and in ORBs (137,963 people) and the average annual mortality (46,681 people in NKVD-MVD camps and 3,779 people in ORBs) in 1945–1949, we can conclude that the mortality rates of the contingent were approximately the same (3.0% in NKVD-MVD camps and 2.7% in ORBs). It is important to note that our results differ from the conclusions of the GUPVI regarding the higher mortality rate of prisoners of war in the units of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces, which poses the task for future researchers to study this issue in a more substantive manner.⁴⁷

⁴⁶ Calculated according to the data from Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR*, 474–75.

⁴⁷ This conclusion is confirmed by various orders and directives of the NKVD-MVD with demands to take decisive measures to reduce morbidity and mortality rates and to prevent the concealment and distortion of data on the number of deceased prisoners of war in the camps under their jurisdiction (*Prisoners of War in the USSR*, 486–87, 489–92).

Conclusion

Thus, the conducted research allows us to draw a number of important conclusions regarding the situation with foreign prisoners of war during the Great Patriotic War in the USSR.

First, it should be noted that after the defeat of Germany and its allies, in addition to the NKVD-MVD system, a significant contingent of prisoners of war (over 200,000) was transferred to remain under control of the People's Commissariat of Defense and later, the Ministry of Armed Forces of the USSR. For that purpose, separate labor battalions for prisoners of war were created within their structure. Unlike NKVD-MVD camps, they had a smaller contingent and personnel, which made them more mobile and eased their transfer to the facilities requiring additional labor. In turn, the dispersal of the contingent across the economic units of the NKO-MVS objectively complicated the GUPVI's oversight of the ORBs' activities.

Second, a comparative analysis of data from various sources (administrative, reporting documentation, and statistical materials) reveals a complex and contradictory picture of the situation with prisoners of war in separate labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces. On the one hand, despite the constant efforts of the GUPVI to improve it, the practice of holding prisoners of war in ORBs did not meet established requirements, which manifested itself in the unsatisfactory state of housing and living conditions, food and clothing supplies, and medical care. Problems with the organization of prisoner-of-war maintenance produced an adverse effect on their labor utilization, making the existence of many labor battalions unprofitable. On the other hand, judging by mortality statistics, the situation with prisoners of war in labor battalions of the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces was not fundamentally different from that in NKVD-MVD camps.

All this highlights the need for further research into the practice of holding prisoners of war in various departmental institutions, as well as the mechanism of interaction between the People's Commissariat for Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs and the People's Commissariat of Defense – Ministry of Armed Forces on the issues of maintenance and labor use of prisoners of war.

Список литературы

Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002. 228 с.

Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!»: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27. Москва: Московский издательский дом, 2003. 272 с.

Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). Москва: Грааль, 1997. 248 с.

Джусти М.Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954 / перевод с итальянского М. Талалая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. 272 с.

Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранцы военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). Москва: Кучково поле, Императорское русское историческое общество, 2016. 544 с.

Епифанов А.Е. История и правовое положение военнопленных вермахта в Сталинграде. 1942–1956 гг. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2007. 420 с.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: РГГУ, 2002. 303 с.

Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. Москва: Институт востоковедения РАН, 2005. 256 с.

Ким С.П. Политическая работа в лагерях МВД и отдельных рабочих батальонах МВД для японских военнопленных (1945–1956 гг.) // Клио. 2015. № 4 (100). С. 164–168. EDN: TOPQWD

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. 320 с.

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955 гг.): очерки и документы. Вологда: Полиграфист, 2002. 160 с.

Крупенников А.А. Тяжкая ноша плена: статьи 1993–2000. Москва: Рейттарь, 2001. 208 с.

Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: ИГУ, 1997. 262 с.

Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 591 с.

Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 гг.). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.

Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. Москва: Прогресс, 1994. 352 с.

Перевощиков Д.В. Из истории отдельных рабочих батальонов военнопленных в Удмуртии в 1945–1948 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 26. С. 101–108. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.101>

Попов А.Б. Пленные большой войны: иностранные военнопленные в СССР в 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2000. 286 с.

Потильчак О.В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ: Видавництво Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова, 2004. 482 с.

Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 505 с.

Смирнова Н.Б. Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) // Научные исследования: от теории к практике: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 10 июля 2016 г.) / под редакцией О.Н. Широкова и др. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. Вып. 3 (9). С. 31–32.

Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. 499 с.

- Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Санкт-Петербург: Алетейя; Хельсинки: RME Group Oy, 2009. 639 с.
- Цунаева Е.М. Учреждения военного плена НКВД–МВД СССР (1939–1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 361 с.
- Чайковский А.С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные на Украине 1939–1953 гг.). Киев: Парламентское издательство, 2005. 972 с.
- Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1951 гг. Минск: Тесей, 2003. 164 с.
- Blank A.S. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein, 1979. 208 S.
- Dähler R. Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten. Wien; Berlin: LIT, 2007. 369 S.
- Frieser K.-H. Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee "Freies Deutschland". Mainz: v. Hase&Koehler Verlag, 1981. 381 S.
- Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verlag, 2000. 486 S.
- Lehmann A. Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. München: C.H. Beck, 1986. 201 S.
- Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten / Herausgegeben von E. Scherstjanoi. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010. 304 S.

References

- Blank, A.S. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*. Köln: Pahl-Rugenstein, 1979.
- Bondarenko, E.Yu. *Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956)* [Foreign prisoners of war in the Russian Far East (1914–1956)]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002. (In Russian)
- Chaikovskii, A.S. *Plen. Za chuzhie i svoi grekhi (Voennoplennye i internirovannye na Ukraine 1939–1953 gg.)* [Captivity. For Someone else's and one's own sins (Prisoners of war and internees in Ukraine 1939–1953)]. Kiev: Parlamentskoe izdatel'stvo, 2005. (In Russian)
- Dähler, R. *Die japanischen und die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion, 1945–1956: Vergleich von Erlebnisberichten*. Vienna; Berlin: LIT, 2007.
- Dolgolyuk, A.A, and N.M. Markdorf. *Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Sibiri (1943–1950)* [Foreign prisoners of war and internees in Siberia (1943–1950)]. Moscow: Kuchkovo pole, Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo, 2016. (In Russian)
- Epifanov, A.E. *Istoriya i pravovoe polozhenie voennoplennykh vermakhta v Stalingrade. 1942–1956 gg.* [History and legal status of Wehrmacht prisoners of war in Stalingrad. 1942–1956]. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2007. (In Russian)
- Frieser, K.-H. *Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangene in der Sowjetunion und das Nationalkomitee "Freies Deutschland"*. Mainz: v. Hase&Koehler Verlag, 1981.
- Frolov, D.D. *Sovetsko-finskii plen. 1939–1944 gg. Po obe storony kolyuchei provoloki* [Soviet-Finnish captivity. 1939–1944. On both sides of the barbed wire]. St Petersburg: Aleteiya; Helsinki: RME Group Oy, 2009. (In Russian)
- Galitskii, V.P. *Finskie voennoplennye v lageryakh NKVD (1939–1953 gg.)* [Finnish Prisoners of War in the NKVD camps (1939–1953)]. Moscow: Graal', 1997. (In Russian)

Giusti, M.T. *Ital'yanskije voennoplennye v SSSR, 1941–1954* [Italian prisoners of war in the USSR, 1941–1954], translated from Italian by M. Talalai. St Petersburg: Aleteiya, 2010. (In Russian)

Hilger, A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext-Verlag, 2000.

Karner, S. *Arhipelag GUPVI: plen i internirovanie v Sovetskom Soyuze. 1941–1956* [The GUPVI archipelago: Captivity and internment in the Soviet Union. 1941–1956], translated from German by O. Aspisova. Moscow: RGGU, 2002. (In Russian)

Katasonova, E.L. *Poslednie plenniki Vtoroi mirovoi voiny: maloizvestnye stranitsy rossiisko-yaponskikh otnoshenii* [The last prisoners of World War II: Little-known pages of Russian–Japanese relations]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2005. (In Russian)

Kim, S.P. “Politicheskaya rabota v lageryakh MVD i otdel'nykh rabochikh batal'onakh MVD dlya yaponskikh voennoplennykh (1945–1956 gg.)” [Political work in the MVD camps and separate MVD labor battalions for Japanese prisoners of war (1945–1956)]. *Klio*, no. 4 (100) (2015): 164–68. EDN: TOPQWD (In Russian)

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty* [The fates of German prisoners of war in the USSR: Diplomatic, legal, and political aspects of the problem. Essays and documents]. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996. (In Russian)

Konasov, V.B., and A.L. Kuz'minykh. *Finskie voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe (1939–1955 gg.): ocherki i dokumenty* [Finnish prisoners of World War II in the European North (1939–1955): Essays and documents]. Vologda: Poligrafist, 2002. (In Russian)

Krupennikov, A.A. *Tyazhkaya nosha plena: stat'i 1993–2000* [Heavy burden of captivity: The articles of 1993–2000]. Moscow: Reittar", 2001. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Arhipelag GUPVI na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [The GUPVI archipelago in the European North of the USSR (1939–1949)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gg.)* [Military captivity and internment in the USSR (1939–1956)]. Vologda: Drevnosti severa, 2016. (In Russian)

Kuznetsov, S.I. *Yapontsy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.)* [The Japanese in Siberian captivity (1945–1956)]. Irkutsk: IGU, 1997. (In Russian)

Lebedeva, N.S. *Katyn': prestuplenie protiv chelovechestva* [Katyn: A crime against humanity]. Moscow: Progress, 1994. (In Russian)

Lehmann, A. *Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion*. München: C.H. Beck, 1986.

Perevoshchikov, D.V. “Iz istorii otdel'nykh rabochikh batal'onov voennoplennykh v Udmurtii v 1945–1948 gg.” [From the history of separate labor battalions of prisoners of war in Udmurtia in 1945–1948]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 26 (2018): 101–08. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2018.26.101> (In Russian)

Popov, A.B. *Plennye bol'shoi voiny: inostrannye voennoplennye v SSSR v 1941–1945 gg.* [Prisoners of the Great War: Foreign prisoners of war in the USSR in 1941–1945]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2000. (In Russian)

Potyl'chak, O.V. *Radyans'kyi viis'kovyi polon ta internuvannya v Ukraini (1939–1954)* [Soviet military captivity and internment in Ukraine (1939–1954)]. Kiev: Vydavnytstvo Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. M.P. Dragomanova, 2004. (In Ukrainian)

Sharkov, A.V. *Arhipelag GUPVI: voennoplennye i internirovannye na territorii Belarusi: 1944–1951 gg.* [The GUPVI Archipelago: Prisoners of war and internees in the territory of Belarus: 1944–1951]. Minsk: Tesei, 2003. (In Russian)

Sidorov, S.G. *Trud voennoplennykh v SSSR, 1939–1956 gg.* [Labor of Prisoners of war in the USSR, 1939–1956]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. (In Russian)

Smirnova, N.B. “Otdel'nyi rabochii batal'on voennoplennykh № 369 (g. Alatyry)” [Separate Labor Battalion of Prisoners of War no. 369 (Alatyry)]. In *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike: sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Cheboksary, 10 iyulya 2016 g.)* [Scientific research: From theory to practice: Collection of articles of the 9th International Scientific and Practical Conference (Cheboksary, July 10, 2016)], edited by O.N. Shirokov et al., iss. 3 (9), 31–32. Cheboksary: TsNS “Interaktiv plus”, 2016. (In Russian)

Surzhikova, N.V. *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Srednem Urale (1942–1956)* [Foreign prisoners of the World War II in the Middle Urals (1942–1956)]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006. (In Russian)

Tsunaeva, E.M. *Uchrezhdeniya voennogo plena NKVD–MVD SSSR (1939–1953 gg.)* [Institutions of military captivity of the NKVD–MVD of the USSR (1939–1953)]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “*Srok khraneniya – postoyanno!*”: *kratkaya istoriya lagerya voennoplennykh i internirovannykh UPVI NKVD-MVD SSSR № 27* [“For permanent storage!”: A brief history of the prisoner-of-war and internment camp of the UPVI NKVD-MVD USSR no. 27]. Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2003. (In Russian)

Wege in die Kriegsgefangenschaft. Erinnerungen und Erfahrungen deutscher Soldaten, herausgegeben von E. Scherstjanoj. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2010.

Информация об авторе

Александр Леонидович Кузьминых – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (д. 2, ул. Щетинина, 160002 Вологда, Россия).

Information about the author

Aleksandr L. Kuz'minykh – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Faculty of Law, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, ul. Shchetinina, 160002 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 28.08.2025.